

Эволюция восточноазиатского международного порядка и ее влияние на китайско-российское региональное сотрудничество: эклектический анализ

Сюй Бо, С. Э. Гармаева

Институт Северо-Восточной Азии Цзилиньского университета,
КНР, 130012, Чанчунь, ул. Цяньцзинь Дацзе, 2699

Для цитирования: Сюй Бо, Гармаева С. Э. Эволюция восточноазиатского международного порядка и ее влияние на китайско-российское региональное сотрудничество: эклектический анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2023. Т. 16. Вып. 4. С. 367–384. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2023.404>

Две великие державы — Китай и Россия — важные акторы современной международной системы, их внешняя политика и двустороннее сотрудничество являются ключевыми факторами, влияющими на развитие международной системы в целом. Вместе с тем на развитие двусторонних отношений неизбежно оказывают влияние изменения в международном порядке. В исследованиях, проводившихся раньше, основной акцент делался на влиянии китайско-российского сотрудничества на международную систему, но игнорировалась важная роль регионального международного порядка в сотрудничестве между двумя державами. В связи с этим в данной статье предполагается рассмотреть тенденции эволюции международного порядка в Восточной Азии в последние годы и его роль в формировании китайско-российского регионального сотрудничества. Трансформация международного порядка отражается в сферах иерархии власти, доминирующей идеологии и институционального устройства. В последние годы изменения в иерархии власти в восточноазиатском международном порядке заключаются в появлении сложной биполярности между Китаем и США. Эволюция доминирующей идеологии отражается в появлении норм политической и экономической интеграции в сферах конкуренции великих держав и в развитии сотрудничества в области экологической политики в сферах их партнерства. Трансформация институциональных механизмов выражается в появлении конкурентных институтов многостороннего сотрудничества. Эволюция данных элементов восточноазиатского международного порядка оказывает ключевое влияние на китайско-российские отношения. Учитывая влияние этих тенденций, автор видит выстраивание партнерских отношений между Китаем и Россией в сферах региональной безопасности, финансов и высоких технологий, экологии, а также взаимодействие двух стран через создание платформы многостороннего сотрудничества, что повысит уровень двустороннего стратегического партнерства.

Ключевые слова: международный порядок, Восточная Азия, Россия, Китай, внешняя политика.

Введение

Изменения в политике крупных держав являются ключевым фактором, способствующим эволюции международного порядка и трансформации международной системы в целом. Китай и Россия являются ключевыми державами в современной

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

международной системе, а их внешняя политика и взаимоотношения оказывают прямое влияние на формирование международного порядка. В настоящее время внешняя стратегия Китая и России вступает в чрезвычайно важный период корректировки. Украинский кризис в 2022 г. привел отношения между Россией и странами Запада к периоду высокой конфронтации, и данный период продлится довольно долго. Одновременно с этим усиление стратегической конкуренции между Китаем и США также вынуждает Китай постоянно корректировать свою внешнюю политику. На XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая в октябре 2022 г. Пекин заявил, что мир вступил в новый период развития. «Дефицит мира, развития, безопасности и управления», с которым столкнулось человечество, никогда не был более явным. В связи с изменением отношений Пекина и Москвы с внешним миром развитие регионального сотрудничества между Китаем и Россией играет чрезвычайно важную роль для геополитической стабильности Евразии.

Развитие международного порядка также вступает в период ускоренной эволюции. Российско-украинский конфликт, начавшийся в феврале 2022 г., является важным проявлением трансформации нынешнего международного порядка. По мнению Сергея Караганова, нынешний кризис представляет собой «конец периода попыток России интегрироваться в международный порядок, установленный Западом» [1, с. 1–5]. Стратегия «поворота на Восток», которой придерживается Россия, также перешла в новый период развития под влиянием вышперечисленных событий и явлений. С начала российско-украинского конфликта Россия, с одной стороны, продолжает укреплять свои отношения с Китаем, Индией, Ираном и другими традиционными восточными стратегическими партнерами. С другой стороны, она активизирует деятельность в многосторонних институтах, таких как БРИКС и ШОС, в надежде на получение внешней стратегической поддержки с Востока на фоне жесткой конфронтации со странами Запада. Что касается Китая, то его власти выступили со своей внешнеполитической концепцией — «Сообщество единой судьбы человечества», «Общие ценности для всего человечества» — в качестве ответа на смену власти в международной системе и для предотвращения перехода к полномасштабной конфронтации отношений между Китаем и Западом.

Общеизвестно, что метод анализа иерархий (далее — МАИ) — один из главных методов исследования в области международных отношений при изучении внешней политики и стратегического поведения страны. Ученые обычно анализируют формирование и направление внешней политики страны с трех аспектов: внутриполитического, национального и межгосударственного. По этой причине Дэвид Сингер называет МАИ «фундаментальным системным подходом» [2, р. 78] в исследованиях в области политических наук. Раньше отечественные и зарубежные исследования уделяли больше внимания влиянию внутригосударственных и национальных факторов на китайско-российское партнерство, и их аналитическая основа была ближе к «двухуровневой теории игр», предложенной Робертом Патнэмом [3, р. 35]. Иными словами, основные первопричины выбора направления и политики в региональном сотрудничестве Китая и России сводились к изменениям внешнеполитических стратегий двух стран и развитию внутренней политики этих государств. Будучи довольно рациональным, такой анализ тем не менее игнорирует важную роль элементов международной системы, особенно влияние трансформации регионального международного порядка, на стратегическое сотрудничество между двумя государствами.

Основной акцент делался на влиянии китайско-российского сотрудничества на международную систему, но роль влияния регионального международного порядка на сотрудничество между двумя державами игнорировалась. В связи с этим в данной статье предполагается рассмотреть тенденции эволюции международного порядка в Восточной Азии в последние годы и его роль в формировании китайско-российского регионального сотрудничества. На самом деле, трансформация международного порядка играет чрезвычайно важную роль в китайско-российском стратегическом партнерстве. Особенно в свете сегодняшнего, все более очевидного влияния Восточной Азии на глобальные международные отношения эволюция международного порядка в восточноазиатском регионе будет глубоко определять и российскую стратегию «поворот на Восток», и китайскую стратегию по отношению к окружающим странам, и состояние регионального сотрудничества между Пекином и Москвой в целом. Для защиты своих национальных интересов обеим державам необходимо адаптироваться к тенденциям эволюции международного порядка в Восточной Азии, выстроить эффективное внешнее сотрудничество. Ученые-международники по-разному понимают составные элементы международного порядка. По мнению английской школы, международный порядок — это иерархия власти, сформированная на основе общих интересов, общих институтов и общих норм. Американские исследователи считают, что основными элементами международного порядка являются распределения власти, идеологии и институтов. Авторы настоящей статьи предлагают эклектическое определение международного порядка, появившееся в последние годы: согласно ему международный порядок представляет собой концепцию, включающую материальные и идеологические элементы, и состоит из иерархии власти, доминирующей идеологии и институциональных структур. В статье предполагается проанализировать характеристики эволюции ключевых элементов международного порядка: иерархии власти, доминирующей идеологии и институционального устройства. Основное внимание уделяется анализу роли этих элементов в формировании партнерства Китая и России в восточноазиатском регионе, а также влияния регионального международного порядка на сотрудничество между двумя державами. В первой части работы рассмотрены существующие исследования китайско-российского регионального сотрудничества, выделены их недостатки. Во второй части — разные подходы к определению международного порядка, уточнено его определение с точки зрения эклектического подхода и выявлены его составные элементы. В третьей части проанализированы основные характеристики и изменения современного международного порядка в Восточной Азии. В четвертой части рассмотрено влияние особенностей изменения международного порядка в Восточной Азии на региональное сотрудничество между Китаем и Россией в восточноазиатском регионе, так как данное сотрудничество является не только результатом развития двухсторонних отношений, но и проявлением эволюции международного порядка в АТР.

Обзор исследований китайско-российского регионального партнерства

В настоящее время существующие исследования факторов, влияющих на китайско-российское региональное сотрудничество, в большинстве своем рассматривают национальные стратегии и внутренние политики двух стран. В основном

анализируется влияние внешнего стратегического регулирования Китая и России и внутривнутриполитической структуры двух стран на китайско-российское сотрудничество. Теоретический подход, чаще всего используемый учеными, заключается в изучении внешней и экономической политики Китая и России с точки зрения национальной стратегии каждой страны. В последние годы наиболее популярны стали исследования влияния внутривнутриполитического устройства Китая и России на сотрудничество между двумя странами.

Прежде всего, с точки зрения национальной стратегии, ключевыми факторами, влияющими на китайско-российское сотрудничество, являются стратегическое мышление России и внешняя политика Китая. Исследования национального стратегического мышления России в основном сосредоточены на анализе изменений ее собственной стратегической концепции. Исследования Китая в основном акцентируются на трансформации его внешней политики.

С точки зрения стратегических концепций существующие исследования в целом полагают, что в современной России, особенно после третьего срока президента Владимира Путина, стала все более усиливаться «антизападная» стратегическая концепция, что является важной причиной для реализации стратегии «поворота России на Восток». Федор Лукьянов, директор по научной работе Международного дискуссионного клуба «Валдай», считает, что фундаментальные стратегические разногласия между Россией и Западом в виде ряда структурных противоречий в конечном итоге привели к трансформации внешней политики президента Путина [4]. Среди них ключевой причиной является влияние НАТО на стратегическую безопасность России. По мнению Андрея Цыганкова и Павла Цыганкова, смена стратегической концепции России происходит под влиянием трансформации национальных ценностей. Начиная с XXI в. либеральные ценности, представляемые Западом, перестали рассматриваться российским обществом как принципы и идеи, которых следует придерживаться. Это, в свою очередь, спровоцировало рост «империализма» и «евразийства» в России, а украинский кризис заставил ее полностью поменять направление разработки своих стратегических концепций в противоположную от западного мира сторону [5]. Российский политолог Сергей Караганов высказал мнение, что в процессе изменения международных отношений в XXI в. Россия все больше осознает собственную ценность как уникальной цивилизации и на этой основе формулирует свою внешнеполитическую стратегию [6].

Китайские ученые придерживаются мнения, что успешное развитие китайско-российских отношений имеет решающее значение для расширения стратегии «поворота России на Восток». По мнению Пан Дапэна, с улучшением позиционирования китайско-российских отношений между двумя странами постепенно сформировался консенсус в понимании региональной и международной ситуации, что является основой прочных и стабильных двусторонних отношений [7]. Некоторые китайские ученые также полагают, что стремительный рост экономики Китая дает России возможность повысить уровень экономического развития своего Дальнего Востока за счет укрепления экономического сотрудничества с восточным партнером. В частности, изменения в мировой политической экономике открыли новые возможности для сотрудничества между двумя странами [8]. Выдвинутая Китаем инициатива «Один пояс — один путь» и план восстановления Северо-Востока Китая заложили хорошую основу и предпосылки для китайско-российского

сотрудничества на Дальнем Востоке [9]. Китайский профессор Фэн Шаолэй считает, что после того, как Россия столкнулась одновременно с украинским и собственным экономическим кризисом, китайско-российское экономическое сотрудничество совершило ряд крупных прорывов, что говорит об огромных возможностях, скрытых в «повороте России на Восток» [10, p. 4].

Еще одним новым методом исследований внешней политики России, набирающим силу в последние годы, является анализ эволюции внешней стратегии России с точки зрения внутренней политики. Интерес к данному аналитическому методу обусловлен «внутриполитическим поворотом», произошедшим в сфере международных отношений в последние годы: все большую популярность приобретают исследования роли государства как главного актора в международных отношениях с точки зрения проблемы «структура — агент» (structure-agency problem). Важным концептуальным изменением в изучении международных отношений стало введение в них понятия «агент» [11, p. 192].

Западные ученые склонны исследовать причины «поворота России на Восток», анализируя изменения в личных ценностях и концепциях управления президента Путина. Американский ученый Дэниел Трейсман полагает, что консерватизм Путина, все отчетливее проявляющийся во внутренней политике, сформировал внешнеполитические предпочтения России и обусловил ее тесные отношения со странами Азиатско-Тихоокеанского региона [12]. Некоторые ученые также придерживаются мнения, что личное прошлое Путина и его бюрократическая сеть оказывают серьезное влияние на развитие китайско-российского сотрудничества. Политические интересы России по отношению к Китаю сформировались под влиянием мощной лоббистской способности российской энергетической группы и ее тесной связи с Кремлем, эти же факторы также повлияли на дисбаланс в распределении выгод, возникший в ходе реализации китайско-российского сотрудничества. По мнению Стивена Фортеस्कью, в России, как и во всех других странах, существует проблема баланса выгод и децентрализации власти в механизме принятия решений. В разработке российской политики в отношении Китая присутствуют бюрократические игры и торг. Итоги такой политики зависят от бюрократического процесса принятия решений [13]. Что касается влияния Китая на внутреннюю политику России, то следует отметить, что его исследования относительно немногочисленны. Некоторые исследователи связывают успешное развитие китайско-российских связей в последние годы с хорошими личными отношениями между Си Цзиньпином и Владимиром Путиным. По их мнению, лидеры двух стран хорошо понимают друг друга, будучи примерно одного возраста и обладая схожим мировоззрением [14, p. 6]. Другие ученые полагают, что китайско-российские отношения будут продолжать эффективно развиваться, поскольку растущие националистические потребности Китая заставляют его склоняться к сотрудничеству с Россией, которая придерживается схожих взглядов во внешней политике [15].

Подводя итог, можно заметить, что в существующих исследованиях китайско-российского регионального сотрудничества доминирующими аналитическими аспектами являются национальная стратегия и внутренняя политика. Однако в них часто игнорируются системные элементы, которые можно назвать ключевыми в изучении международных отношений. В частности, редко упоминается влияние восточноазиатского международного порядка на китайско-российские

отношения. Эволюция международного порядка всегда была важной переменной в формировании этих отношений. Помимо того, области и направления сотрудничества между двумя странами также коренным образом влияют на трансформацию международного порядка. Поэтому очень важно рассмотреть китайско-российское сотрудничество в восточноазиатском регионе через призму международного порядка.

При этом автор считает, что анализ данного вопроса требует решения двух ключевых задач. Во-первых, необходимо преодолеть разногласия в понимании определения международного порядка, существующие среди исследователей международных отношений. Споры об определении порядка идут не только между восточными и западными исследователями, но и внутри западных школ теорий международных отношений. По этой причине вопрос определения международного порядка и его составляющих элементов является фундаментальным при анализе его влияния на российскую стратегию «поворот на Восток». Во-вторых, необходимо выделить особенности трансформации восточноазиатского международного порядка, а именно определить, какие фундаментальные изменения в нем происходят. По итогам рассмотрения двух данных вопросов авторы попытаются проанализировать будущее направление развития китайско-российского регионального сотрудничества.

Теоретические рамки: определение и компоненты международного порядка

Несмотря на то что концепция международного порядка является важным понятием в теории международных отношений, единого определения этого понятия не существует. В целом оно представляет собой пример классического эволюционирующего понятия. Ученые с течением времени исследуют эту концепцию с разных точек зрения и в разных аналитических рамках.

Английская школа в лице Хедли Булла впервые обратила внимание на проблему порядка в области исследования международных отношений, дала ему определение и проанализировала его. В своей книге «Анархическое общество: исследование проблемы порядка в мировой политике» Булл определяет международный порядок как «модель поведения, которая преследует основные или первичные цели национального общества или международного общества». Международный порядок предполагает существование международной системы. В то же время Булл считает, что основу международного порядка составляют три ключевых элемента, а именно «общие интересы, общие институты и общие нормы». По мнению Булла, международный порядок является совокупностью идеи общих интересов, общих норм и общих институтов. Булл представляет общие интересы как фундаментальные социальные цели. Идея общих норм, по Буллу, основана на поддержке этих целей, а идея общих институтов помогает сделать эти нормы и правила эффективными [16, p. 35]. Исследование Буллом международного порядка стало основой определения международного порядка Английской школой международных отношений, подчеркивающей субъективность и идеологичность порядка. Британско-канадский политолог Барри Бузан считает, что Английская школа в понимание порядка склонна к социальной динамике, подчеркивая «силу идеологий, норм пове-

дения, намерений акторов и взаимодействие вышеперечисленных факторов» [17]. Джон Миршаймер раскритиковал исследования концепции порядка Английской школой, назвав их идеализмом, а не исследованием политики силы [18, p. 18].

В отличие от понимания Английской школы, определение международного порядка американскими учеными основано на теории «структурного реализма» Кеннета Вальца. По мнению Вальца, порядок отражает структуру власти между государствами, т. е. изучение типов порядка в основном зависит от распределения власти. Согласно теории Вальца, построение порядка должно «абстрагировать все атрибуты государства, кроме его мощности» [19, p. 132]. Идеологичность не должна быть главным фактором, влияющим на порядок. Хотя суждения реалистов, представляемых Вальцем, о порядке фактически составляют ядро понимания международного порядка американскими учеными, в дальнейшем, с развитием теории порядка, в его исследование внесли дополнительные элементы либеральные институционалисты (Роберт Кеохейн и др.) и конструктивисты (Александр Вендт и др.). Либеральные институционалисты подчеркивают роль международных институтов в поддержании функционирования международного порядка: институциональные механизмы важны для «формирования структуры коллективных действий в международном сообществе» [20]. Формирование подхода конструктивистов произошло в большей степени под влиянием Английской школы. В связи с этим конструктивисты подчеркивают роль смешения материальных и социальных структур и идеологий в функционировании порядка. По мнению Кристиана Реус-Смита [21, p. 188–211], конструктивисты и Английская школа «делают одну и ту же или даже аналогичную работу». Однако, в отличие от Английской школы, американские ученые-конструктивисты уделяют больше внимания причинно-следственной связи между идентичностью, институтами и международным порядком, а также тому, как международный порядок конструируется идентичностью [22, p. 509–513]. В результате исследований составных элементов международного порядка в американской академической школе они были определены как «иерархия власти», «распределение институтов» и «распределение идеологий».

С началом второго десятилетия XXI в., с ускорением глобализации и девестернизации исследований в области международных отношений, плюралистическое определение международного порядка принимается все большим количеством ученых-международников. Авторы называют такой подход «эклeктическим». Эклeктическое определение порядка происходит из углубления понимания в академических кругах сложности структуры порядка с глобализацией исследований в области международных отношений, по мере присоединения к обсуждению вопроса мирового порядка ученых из других стран. В рамках эклeктического анализа в сферу исследования попадают такие факторы, как ценности, экономическая мощь, мораль, международные организации и т. д. Тем не менее эклeктическое определение международного порядка по-прежнему в основном состоит из двух уровней: материального и идеологического. На материальном уровне эклeктизм признает объективный характер международного порядка: иерархия власти, сформированная по принципу распределения мощностей государств, является основным элементом международного порядка. Но в то же время эклeктизм подчеркивает и субъективный характер порядка: господствующая идеология и институциональное устройство также являются важными его элементами. Генри Киссинджер в книге «Миро-

вой порядок» пишет, что любой порядок состоит из легитимности идеологических элементов и власти материальных элементов. По его мнению, основными элементами международного порядка являются: «...первый — правила, принятые всеми странами, а второй — баланс сил, позволяющий всем сторонам сдерживать себя, когда правила нарушаются» [23, р. 9]. Анализируя формирование азиатского регионализма, канадский ученый Амитав Ачария предположил, что международный порядок — это распределение институтов, норм и власти в определенный период [24, р. 3–13]. Китайский ученый Янь Сюэтуан считает, что международный порядок состоит из доминирующих ценностей, международных норм и институциональных механизмов, но в то же время признает важную роль баланса сил в формировании порядка [25]. В общих чертах отличия определения составных элементов международного порядка, данное разными подходами, отражено в таблице.

Сравнение трех определений международного порядка

Подход	Составные элементы		
Английская школа	Общие интересы	Общие институты	Общие нормы
Американские ученые	Распределение власти	Распределение институтов	Распределение идеологии
Эклектизм	Иерархия власти	Доминирующая идеология	Институциональный механизм

По сути, эклектическое понимание международного порядка представляет собой совокупность взглядов британских и американских ученых. В то же время с развитием глобальных международных отношений в XXI в. эклектические исследования международного порядка приобретают плюралистические и трансформационные черты. Иными словами, согласно этому подходу, международный порядок развивается в направлении «культурной и политической диверсификации и интеграции региональных держав» [26, р. 225–230]. В связи с этим при углубленном изучении трансформации международного порядка мы предлагаем использовать эклектическое определение международного порядка, особенно при рассмотрении влияния изменений в восточноазиатском международном порядке на китайско-российское сотрудничество. Исходя из эклектического определения порядка далее будут рассмотрены трансформационные характеристики восточноазиатского международного порядка и их влияние.

Особенности эволюции международного порядка в Восточной Азии

Эклектический подход в изучении международного порядка полагает, что иерархия власти возникает в результате изменения баланса сил между основными мировыми державами, тогда как доминирующая идеология и институциональные механизмы представляют собой идеологические силы, сформированные на основе структуры власти для поддержания порядка. В то же время с точки зрения трансформации по мере изменения иерархии власти должны соответственно меняться и доминирующая идеология, и институциональные механизмы. В последние годы

изменения в иерархии Восточной Азии (особенно между Китаем и США) происходят быстро, меняется и внутренняя политика, а потому международный порядок в этом регионе претерпел значительные изменения с точки зрения господствующих норм и институциональных механизмов. Эти новые изменения в перспективе окажут глубокое влияние на отношения между крупными державами и ситуацию в области региональной безопасности. Изменения в основном касаются следующих аспектов.

Во-первых, с точки зрения иерархии власти формирующаяся «сложная bipolarность» является фундаментальной чертой эволюции восточноазиатского международного порядка. Поскольку совокупная мощь Китая продолжает увеличиваться, а его влияние в международных процессах значительно возрастает, Соединенные Штаты рассматривают Китай как своего единственного долгосрочного стратегического противника в международной системе. В 1999 г. общий ВВП Китая составлял всего 35 % от ВВП США, но десять лет спустя, в 2009 г., он достиг 66 %. В 2021 г. ВВП Китая составил 76 % от ВВП США [27, р. 3]. Растущая совокупная мощь Китая, а также его влияние на мировую экономику стали основными причинами изменения политики США в его отношении. В опубликованной в октябре 2022 г. «Стратегии национальной безопасности США» администрация Джо Байдена четко обозначила Китай как «конкурента» и подчеркнула необходимость выиграть стратегическую конкуренцию с ним за счет инвестиций, альянсов и военной модернизации в ближайшие десять лет. Кроме того, в связи с конфликтом между Россией и Украиной и ситуацией в Индо-Тихоокеанском регионе, США также подчеркнули необходимость отдавать приоритет постоянной стратегической конкуренции с Китаем, сдерживая при этом Россию [28]. Хотя Пекин неоднократно подчеркивал, что Китай и Соединенные Штаты должны уважать друг друга, мирно сосуществовать и добиваться взаимной выгоды, представление о Китае как о «восходящем полюсе» в стратегических кругах США не исчезло. В то же время ученые как в Китае, так и в Соединенных Штатах также считают, что китайско-американские отношения отличаются от полностью изолированных американо-советских отношений в период холодной войны. Китай и США по-прежнему имеют общие интересы в сферах экономики, глобального управления, изменения климата и др. Джон Айкенберри описывает нынешний международный порядок как смесь ориентированной на США системы безопасности и ориентированной на Китай экономической системы. Он считает, что сосуществование сотрудничества и противостояния по-прежнему будет основным вариантом политики двух стран в области стратегического взаимодействия в будущем [29]. Беверли Лоук охарактеризовала восточноазиатский международный порядок как региональный порядок, в котором «сосуществуют китайско-американская конкуренция и сотрудничество». Фактически сотрудничество по многим вопросам, таким как экономика и транснациональное управление, по-прежнему является важной областью китайско-американских отношений [30]. Соединенные Штаты также считают, что обе стороны могут вести диалог и взаимодействовать в таких областях, как изменения климата, ядерное нераспространение, продовольственная безопасность и макроэкономика. Следует также отметить, что Китай всегда выступает за совместное поддержание стабильности и долгосрочного развития китайско-американских отношений во имя создания сообщества единой судьбы человечества и предотвращения прямых конфликтов между двумя сторо-

нами. Таким образом, иерархия власти в современном международном порядке характеризуется высокой степенью сложности смены власти, представляет собой взаимоотношения, в которых сосуществуют сотрудничество и конкуренция.

С точки зрения господствующих идеологий, а также с учетом сложности отношений крупных держав идеологическая трансформация международного порядка в основном отражается в двух аспектах: во-первых, все более явной становится идея политической и экономической интеграции в сферах конкуренции крупных держав; во-вторых, начали появляться новые подходы к управлению в сфере транснационального сотрудничества. Раздельное взаимодействие в политических и экономических сферах долгое время оставалось доминирующей концепцией во взаимодействии крупных держав. Это особенно ярко проявляется в отношениях между Китаем и Южной Кореей и Китаем и Японией в Восточной Азии после окончания холодной войны, а также в отношениях Китая и США, Китая и России, России и США. Различия в идеологиях и политических системах стран не влияют на экономическое и региональное сотрудничество между ними. Принцип разделения политики и экономики является также важным идеологическим корнем развития восточноазиатского регионализма. Однако по мере обострения конкуренции между крупными державами на смену этой идее пришла концепция политической и экономической интеграции. С 2018 г. Соединенные Штаты развязали ожесточенную торговую войну против экономической и технологической мощи Китая и построили технологические барьеры, надеясь одержать победу в стратегическом соревновании. В августе 2022 г. президент США Байден подписал «Закон о чипах и науке» в качестве попытки выстроить барьер для Китая и не дать восточной державе превзойти США в сфере высоких технологий. Под влиянием внешней стратегии США такие региональные державы, как Япония и Великобритания, также используют экономические и технологические средства в качестве основных инструментов стратегической конкуренции, тем самым угрожая стабильности глобальной цепочки поставок и производственной цепочки.

Но в то же время в транснациональном сотрудничестве начали появляться новые концепции управления, наиболее яркими проявлениями которых являются управление климатическими изменениями и «зеленое» развитие. Вопрос изменения климата стал одним из центральных вопросов глобального сотрудничества, а возникающая в результате концепция «зеленого» развития — новой нормой сотрудничества между странами. В настоящее время основные страны мира выпустили ориентированные на будущее климатические стратегии. Китайское правительство объявило, что достигнет «углеродного пика» к 2030 г. и «углеродной нейтральности» — к 2060 г. Соединенные Штаты, Европейский союз и Россия объявили о своих собственных стратегиях «двойного углерода» и планах управления климатом [31, с. 100]. Хотя на цели европейской климатической политики серьезно повлиял российско-украинский конфликт, разразившийся в 2022 г., развитие новой энергетики и новых технологий, вызванное климатической политикой, не остановится. В то же время «зеленое» развитие также стало главной концепцией сотрудничества между странами. Реализация политики «зеленого развития» Китаем является основой продвижения инициативы «Один пояс — один путь» — международного альянса, учрежденного Китаем и включающего на сегодняшний день более ста стран. Европейский парламент 22 июня 2022 г. принял резолюцию о создании

механизма корректировки углеродных границ, надеясь способствовать энергетическим преобразованиям и «зеленому» развитию в Европе [32]. Можно заметить, что новое направление сотрудничества становится важным фактором, влияющим на экономическое взаимодействие между странами.

С точки зрения институциональных механизмов появление диверсифицированных и конкурентоспособных многосторонних систем стало еще одной важной чертой трансформации международного порядка. После окончания холодной войны, выстроенный США и странами Запада многосторонний механизм долгое время оставался единственной возможностью для глобального Юга участвовать в мировых рынках и производственных цепочках. Однако с появлением стран с формирующейся рыночной экономикой и подъемом средних держав возникли новые региональные и многосторонние механизмы сотрудничества, предоставляющие больше возможностей для стран глобального Юга. В Восточной Азии инициатива «Один пояс — один путь» и Соглашение о всестороннем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП) способствовали дальнейшему развитию региональной интеграции. В евразийском регионе Евразийский экономический союз во главе с Россией является важным инструментом регионального влияния и предотвращения сжатия стратегического пространства, пространства безопасности и экономики. С целью сохранения доминирующего положения в существующем международном порядке, Соединенные Штаты, с одной стороны, укрепляют существующую систему альянсов, а с другой — конкурируют с формирующимися многосторонними механизмами, создавая новые рамки регионального сотрудничества. С 2021 г. администрация Байдена последовательно объявляла о содействии созданию плана «Построения лучшего мира» (B3W) и Индо-Тихоокеанского экономического рамочного соглашения (IPEF) и использовала их как важные средства для реализации Индо-Тихоокеанской стратегии, поощрения стратегической конкуренции и поддержания регионального лидерства.

Российско-украинский конфликт имеет большое значение при рассмотрении вопроса эволюции международного порядка. Столкнувшись с ускорением трансформации международного порядка, Россия как ключевая держава в международной системе надеется сохранить свои позиции и интересы, применяя стратегию «поворота на Восток». В то же время крайне конфронтационная ситуация между Россией и странами Запада, сложившаяся после начала российско-украинского конфликта, вынудила Китай скорректировать свою внешнюю политику, чтобы приспособиться к новой международной обстановке. С одной стороны, конфликт между Россией и Украиной обострил конкуренцию и противостояние между крупными державами в Европе, а с другой — поставил новые задачи перед многосторонними институтами. Все вышеперечисленное также повлияет на формирование направления развития регионального сотрудничества Китая и России в Восточной Азии в будущем.

Новые направления Китайско-российского регионального сотрудничества

Китай и Россия являются важными акторами в международных отношениях в Восточной Азии. Стратегическое партнерство двух стран не только влияет на развитие международных отношений в этом регионе, но и имеет большое значение

для стратегической стабильности всего евразийского континента. В то же время в условиях трансформации международного порядка и продолжающегося развития конфликта между Россией и Украиной вопрос о том, как эффективно повысить уровень китайско-российского сотрудничества и обеспечить стабильность китайско-российских отношений, является и важным пунктом внешней политики России, и ключевым интересом внешней политики Китая. На сотрудничество между Китаем и Россией как важных акторов международной системы влияют не только национальные интересы, но и особенности трансформации международного порядка. В Восточной Азии эта ситуация еще более очевидна. Чтобы справиться с эволюцией регионального международного порядка, Китай и Россия могут укреплять региональное сотрудничество в трех сферах.

1. Прежде всего, учитывая изменения в иерархии силы в восточноазиатском международном порядке, поддержание дальнейшего развития китайско-российского стратегического партнерства станет важной частью внешнеполитической доктрины КНР «дипломатия крупной державы с китайской спецификой». Российско-украинский конфликт, начавшийся в 2022 г., сильно повлиял на периферийную безопасность вокруг России и международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Япония и Южная Корея присоединились к санкциям, введенным США против России, что сделало проблему взаимодействия крупных держав в регионе более актуальной. Это окажет влияние на национальную безопасность как России, так и Китая. В связи с этим мы предполагаем, что Китай и Россия могут сотрудничать в двух направлениях: во-первых, с целью дальнейшего предотвращения «натовизации» структуры безопасности в Восточной Азии. Узконаправленной организацией безопасности типа НАТО трудно решить дилемму безопасности в регионе, поэтому следует избегать подобных ситуаций в международном управлении Восточной Азией. Это очень важно для стабилизации ситуации с безопасностью в Восточной Азии. Во-вторых, для укрепления трехстороннего сотрудничества между Китаем, Россией и Индией. После окончания холодной войны Россия и Индия продолжают поддерживать хорошие двусторонние отношения. Хотя между Китаем и Индией существуют территориальные споры, обе страны считают внутреннее развитие своим главным приоритетом. В условиях постоянного содействия США Индо-Тихоокеанской стратегии дальнейшее укрепление трехстороннего сотрудничества между Китаем, Россией и Индией будет играть очень важную роль в предотвращении эскалации конфронтации и стабилизации отношений между крупными державами.

2. Китай и Россия могут более тесно сотрудничать в построении сообщества единой судьбы в новой эпохе, руководствуясь концепцией политической и экономической интеграции. Всесторонние санкции, введенные Соединенными Штатами и Западом в отношении российской научно-технической сферы, не будут угрожать внутренней стабильности России в краткосрочной перспективе, но определенно будут препятствовать ее будущему технологическому развитию. В то же время конкуренция между США и Китаем в сфере высоких технологий также не ослабевает. По этим причинам Китаю и России необходимо сотрудничать в сферах полупроводников, искусственного интеллекта и высоких технологий. В октябре 2019 г. правительство России приняло Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., в Китае также проходит новый период модернизации

промышленности. Таким образом, китайско-российское сотрудничество в области высоких технологий должно стать новым направлением деятельности двух сторон в дополнение к сотрудничеству в области энергетики. У России есть опыт борьбы с западными технологическими блокадами и высокоуровневые научно-исследовательские команды, а китайские фонды и рынки могут предоставить гранты для совместных исследований. По мере того как Китай и Россия становятся все более и более сплоченными в евразийском регионе, дальнейшее углубление уровня высокотехнологичного сотрудничества между двумя странами имеет большое значение для обеспечения развития стратегического партнерства [33].

В то же время в контексте изменения климата трансформация энергетического сотрудничества и сотрудничества в области «зеленого» развития также должна стать новой областью китайско-российского сотрудничества. С 2019 г. и Китай, и Россия приняли ряд мер по борьбе с изменением климата. Пекин решительно продвигает политику «зеленого» развития и управления климатом, а также постоянно улучшает методы решения экологических проблем. Москва, в свою очередь, ратифицировала Парижское соглашение и запустила ряд процессов, связанных с активной климатической политикой. Изменение климата — важный вопрос в концепции построения «сообщества единой судьбы человечества», а также важный путь инновационного развития России. Сотрудничество между двумя странами в этой области не только поможет расширить сотрудничество, но и укрепит их положение в грядущей технологической революции [34, р. 46]. На церемонии закладки фундамента Тяньваньской АЭС и Суйдабао АЭС в мае 2021 г. президент Владимир Путин подчеркнул, что сотрудничество России и Китая в области экологически чистой энергетики поможет справиться с глобальным изменением климата и добиться углеродной нейтральности. В сентябре 2020 г. Москва приняла План по развитию водородной энергетики до 2024 г., согласно которому водородная энергетика определяется как «важное направление инновационного развития ресурсов», предлагается план производства и транспортировки водородной энергии. Так, российские компании «Газпром», «Росатом» и «Новатэк» постепенно запускают проекты по производству водорода [35]. Ожидается, что водородная энергетика, являющаяся важной частью будущей чистой энергетики, также станет новой областью энергетического сотрудничества между Китаем и Россией.

3. В связи с трансформацией институциональных механизмов Китай и Россия могут способствовать дальнейшему развитию многосторонних систем, тем самым продвигая «международные отношения нового типа» на разных уровнях. В настоящее время в Азиатско-Тихоокеанском регионе появляются многочисленные механизмы регионального сотрудничества, такие как ВРЭП, ВПТОП (Всеобъемлющее прогрессивное Тихоокеанское партнерство) и ИТЭРС (Индо-Тихоокеанское экономическое рамочное соглашение). Возникновение разнообразных механизмов сотрудничества реструктурирует производственную цепочку и цепочку ценности в Восточной Азии и во всем евразийском регионе. Китай и Россия могут поддерживать стабильность производственной цепочки и цепочки ценности за счет тесного сотрудничества в многосторонних институтах. В качестве примера такого сотрудничества можно привести взаимодействие России с ВРЭП в рамках стратегии «поворота на Восток», благодаря которому Россия действительно стала важным партнером в экономическом развитии Азиатско-Тихоокеанского региона.

В то же время Китай и Россия могут продолжать развивать зону свободной торговли, сотрудничая в рамках инициативы «Один пояс — один путь» и Евразийского экономического союза. Это благотворно скажется на геоэкономической стабильности в сердце Евразии. Кроме того, продвижение обеими странами пространства глобального партнерства на основе Шанхайской организации сотрудничества и БРИКС также будет способствовать установлению прочных и предсказуемых международных отношений. По причине ограничений в сфере международного финансирования из-за влияния западных санкций будущие климатические проекты России также будут нуждаться в инвестиционной поддержке со стороны Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и Фонда Шелкового пути. И это также окажет благотворное влияние на взаимодействие Китая и России в рамках многостороннего механизма «Один пояс — один путь» и ЕАЭС.

Заключение

Трансформация международного порядка является важной чертой развития международных отношений в настоящее время. Конфликт между Россией и Украиной — одно из явных проявлений этой трансформации. Ключевых акторов международной системы — Китай и Россию — неизбежно затронет эволюция международного порядка, особенно в Восточной Азии. Долгое время исследования китайско-российского регионального сотрудничества в основном концентрировались на изучении влияния государственной стратегии и внутренней политики. Исследований же о влиянии международного порядка на двустороннее сотрудничество явно недостаточно, а в существующих исследованиях отсутствует централизованный анализ большого значения элементов международной системы. Целью данной работы было проанализировать, используя эклектический подход, эволюцию определения международного порядка, его составные элементы, характеристики изменения в Восточной Азии и ключевое влияние этой трансформации на китайско-российское сотрудничество.

Определение международного порядка — постоянно меняющаяся концепция. Трансформация нынешнего международного порядка в Восточной Азии отражается в трех сферах: иерархии власти, доминирующей идеологии и институциональных механизмах. Изменения иерархии власти заключаются в появлении «сложной биполярности» в регионе. Эволюция доминирующей идеологии — в появлении концепций политической и экономической интеграции в сферах конкуренции и новых концепций управления в сферах сотрудничества между региональными державами. Изменения в институциональных механизмах — в росте количества диверсифицированных и конкурентоспособных многосторонних институтов.

Трансформация международного порядка в Восточной Азии серьезно повлияет на основное направление регионального сотрудничества Китая и России в Восточной Азии. С появлением биполярности в структуре региональной власти возрастают риски безопасности. США рассматривают Китай как своего главного конкурента и пытаются добиться «натовизации» системы восточноазиатских региональных альянсов. Однако Китай и Россия за счет стратегического сотрудничества могут добиться стабильности в Восточной Азии и избежать эскалации в этом регионе. В условиях трансформации доминирующей идеологии Китаю и России

следует, с одной стороны, укреплять сотрудничество в области высоких технологий для борьбы с «санкционной войной» со стороны США. С другой стороны, необходимо развивать сотрудничество в области новой энергетики и в сфере изменения климата для повышения промышленной мощи обеих стран, уровня развития, совместной реализации принципов «зеленого развития» и преодоления возможной грядущей четвертой промышленной революции. Это крайне важно для укрепления положения Пекина и Москвы в мировой энергосистеме. В плане взаимодействия многосторонних систем Китай и Россия должны способствовать тесному взаимодействию между многосторонними институтами, в том числе интеграции России в формирующуюся систему экономического сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе и совместной деятельности Евразийского экономического союза и инициативы «Один пояс — один путь» и ВРЭП для реализации стабильного экономического развития Евразии и повышения уровня институционального сотрудничества между Китаем и Россией. Тем самым страны смогут поддерживать новый тип взаимоотношений, совместно создавать сообщество единой судьбы человечества.

Подводя итог, можно сделать вывод, что исследование эволюции международного порядка имеет большое значение для анализа текущих китайско-российских отношений, поскольку в силу плюралистических особенностей международного порядка он будет влиять на двустороннее региональное сотрудничество на многих уровнях. Восточная Азия — это регион, где сегодня наиболее очевидна трансформация международного порядка, и обсуждение его эволюции поможет глубже понять роли Китая и России в складывающейся международной системе. Продолжение углубленных исследований в смежных областях будет относительно новой и значимой попыткой рассмотреть направление развития китайско-российских отношений и внешней политики обоих государств.

Литература

1. Караганов, С. (2022). От не-Запада к мировому большинству, *Россия в глобальной политике*, № 5, с. 1–5.
2. Singer, B. (1961), The Level of Analysis Problem in International Relations, *World Politics*, vol. 14, no. 1, pp. 77–92.
3. Milner, H. (1997), *Interests, Institutions and Information: Domestic Politics and International Relations*, Cambridge: Princeton University Press.
4. Лукьянов, Ф. (2022), Неожиданный индикатор перемен, *Россия в глобальной политике*, № 4, с. 1–3.
5. Tsygankov, A. and Tsygankov, P. (2021), Constructing National Values: The Nationally Distinctive Turn in Russian IR Theory and Foreign Policy, *Foreign Policy Analysis*, vol. 17, iss. 4.
6. Сергей Караганов: Против нас большой Запад, который рано или поздно начнет сыпаться. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/protiv-nas-bolshoy-zapad-kotoryu-rano-ili-pozdno-nachnet-sypatsya/>, 2022-06-12 (дата обращения: 10.08.2023).
7. Pang Dapeng (2020), *The Development Path of Russia: Domestic Politics and International Society*, Beijing: Shehui kexue wenxian chubanshe. (На кит. яз.)
8. Shi Ze (2017), Development of Eastern Russia: From the Perspective of Sino-Russian Cooperation, *Guoji wenti yanjiu*, no. 1, 24, pp. 23–32. (На кит. яз.)
9. Liu Qingcai and Qi Xin (2018). Cooperation of Development Strategies between Northeast China and Russia's Far East under the Framework of the Belt and Road Initiative, *Dongbeiyu luntan*, no. 2, 38, pp. 38–49. (На кит. яз.)
10. Feng Shaolei (2017), A New Position in the Big History — Russia's Progress and Problems in the Field of Narrative-Discourse Construction, *Eluosi yanjiu*, no. 4, pp. 3–32. (На кит. яз.)

11. Kaarbo, J. (2015), A Foreign Policy Analysis Perspective on the Domestic Politics Turn in IR Theory, *International Studies Review*, vol. 17, iss. 2, pp. 189–216.
12. Treisman, D. (2022), Putin Unbound, *Foreign Affairs*, vol. 101, no. 3, pp. 62–69.
13. Fortescue, S. (2016), Russia's "Turn to the East": A study in policy making, *Post-Soviet Affairs*, vol. 32, no. 5, pp. 423–454.
14. Bo Xu and Reisinger W. (2019), Russia's energy diplomacy with China: Personalism and institutionalism in its policymaking process, *The Pacific Review*, vol. 32, no.1, pp. 1–19.
15. Allan, B. B., Vucetic, S. and Hopf, T. (2018), The Distribution of Identity and the Future of International Order: China's Hegemonic Prospects, *International Organization*, vol. 72, iss. 4, pp. 839–869.
16. Bull, H. (1977), *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*, 4th ed., London: Palgrave Macmillan.
17. Buzan, B. (2014), *An Introduction to the English School of International Relations*. London: Polity.
18. Mearsheimer, J. (2018), *The Great Delusion*, Cambridge: Yale University Press.
19. Waltz, K. N. (1979), *Theory of International Politics*, New York: McGraw-Hill.
20. Martin, L. L. and Simmons, B. A. (2001), *International Institution: An International Organization Reader*, Cambridge: The MIT Press.
21. Burchill, S. and Linlater, A. (2005), *Constructivism*, London: Macmillan.
22. Finnemore, M. (2001), Exporting the English School, *Review of International Studies*, no. 27, pp. 509–513.
23. Kissinger, H. A. (2015), *World Order*, New York: Penguin Books.
24. Acharya, A. (2018), *Constructing Global Order: Agency and Change in World Politics*, Cambridge: Cambridge University Press.
25. Xuetong, Y. (2020), *Leadership and the Rise of Great Powers*, Cambridge: Princeton University Press.
26. Archaya, A. and Buzan, B. (2019), *The Making of Global International Relations: Origins and Evolution of IR at Its Centenary*, Cambridge: Cambridge University Press.
27. Loke, B. (2021), The United States, China and the Politics of Hegemonic Ordering in East Asia, *International Studies Review*, vol. 23, no. 4, pp. 1208–1229.
28. *The White House. National Security strategy. October 2022*. URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10_2022.pdf (дата обращения: 10.08.2023).
29. Ikenberry, J. (2016), Between the Eagle and the Dragon: America, China and Middle State Strategies in East Asia, *Political Science Quarterly*, vol. 131, no. 1, pp. 9–43.
30. Loke, B. (2021), The United States, China and the Politics of Hegemonic Ordering in East Asia, *International Studies Review*, vol. 23, no.4, pp. 1208–1229.
31. Караганов, С. и Макаров, И. (2021), *Поворот к природе: новая экологическая политика России в условиях зеленой трансформации и мировой экономики и политики*, М.: Международные отношения.
32. Xinhua Wang, *European Parliament votes for carbon market reform*. URL: http://m.news.cn/2022-06/23/c_1128768662.htm, 2022-6-23 (дата обращения: 10.08.2023). (На кит. яз.)
33. Сюй Бо, *Внеинеполитическая мысль Си Цзиньпина и китайско-российское сотрудничество*. URL: <https://nkibrics.ru/posts/show/62fe39ec6272697e74eb0000>, 2022-10-19 (дата обращения: 10.08.2023).
34. Xu Bo and Zhong Rui (2022), Analysis of Russia's Pragmatic Climate Policy, *Dongbeiyi luntan*, no. 1, pp. 46–47.
35. *План мероприятий развитие водородной энергетики в Российской Федерации до 2024 года, Правительство Российской Федерации, 12 октября, 2020*. URL: <https://minenergo.gov.ru/view-pdf/19194/126275> (дата обращения: 10.08.2023).

Статья поступила в редакцию 15 августа 2023 г.;
рекомендована к печати 28 сентября 2023 г.

Контактная информация:

Сюй Бо — д-р полит. наук, проф.; bxu2@jlu.edu.cn
Гармаева Светлана Элбыковна — д-р филол. наук, стар. преп.;
solnzevetrau@126.com

Evolution of international order in East Asia and its impact on Sino-Russian regional cooperation: An eclecticist analysis

Xu Bo, S. E. Garmaeva

Northeast Asian Studies College of Jilin University,
2699, ul. Qianjin, Changchun, 130012, PRC

For citation: Xu Bo, Garmaeva S.E. Evolution of international order in East Asia and its impact on Sino-Russian regional cooperation: An eclecticist analysis. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2023, vol. 16, issue 4, pp. 367–384.
<https://doi.org/10.21638/spbu06.2023.404> (In Russian)

The two great powers — China and Russia — are important actors in the modern international system, and the foreign policies and bilateral cooperation of the two countries are key factors influencing the development of the international system. In the meantime, the development of bilateral relations is inevitably influenced by changes in the international order. Earlier studies focused on the impact of Sino-Russian cooperation on the international system but ignored the important role of the influence of the regional international order on cooperation between the two powers. This article intends to examine the trends in the evolution of the international order in East Asia in recent years and its role in the formation of Chinese-Russian regional cooperation. It is important to note that the author defines the components of international order as the hierarchy of power, the main ideology, and the institutional structure. In recent years, changes in the hierarchy of power in the East Asian international order are reflected in the emergence of a complex bipolarity between China and the United States. The evolution of the dominant ideology is reflected in the emergence of norms of political and economic integration in areas of great power competition and in the development of cooperation in the field of environmental policy in areas of great power partnership. The transformation of institutional mechanisms is expressed in the emergence of competitive institutions of multilateral cooperation. The evolution of these elements of the East Asian international order has a key impact on Sino-Russian relations. Taking into account the influence of these trends, the author sees the building of partnerships between China and Russia in the areas of regional security, finance and high technology, ecology, as well as interaction between the two countries through the creation of a multilateral cooperation platform, which will increase the level of bilateral strategic partnership.

Keywords: international order, East Asia, Russia, China, foreign policy.

References

1. Karaganov, S. (2022), From non-West to global majority, *Rossia v global'noi politike*, no. 5, pp. 1–5. (In Russian)
2. Singer, B. (1961), The Level of Analysis Problem in International Relations, *World Politics*, vol. 14, no. 1, pp. 77–92.
3. Milner, H. (1997), *Interests, Institutions and Information: Domestic Politics and International Relations*, Cambridge: Princeton University Press.
4. Lukyanov, F. (2022), An unexpected indicator of change, *Rossia v global'noi politike*, no. 4, pp. 1–3. (In Russian)
5. Tsygankov, A. and Tsygankov, P. (2021), Constructing National Values: The Nationally Distinctive Turn in Russian IR Theory and Foreign Policy, *Foreign Policy Analysis*, vol. 17, iss. 4.
6. *Sergei Karaganov: Against us is the Great West, which sooner or later will begin to crumble*. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/protiv-nas-bolshoy-zapad-kotoryy-ranili-pozdno-nachnet-sypatsya/>, 2022-06-12 (accessed: 10.08.2023). (In Russian)
7. Pang Dapeng (2020), *The Development Path of Russia: Domestic Politics and International Society*, Beijing: Shehui kexue wenxian chubanshe. (In Chinese)
8. Shi Ze (2017), Development of Eastern Russia: From the Perspective of Sino-Russian Cooperation, *Guoji wenti yanjiu*, no. 1, 24, pp. 23–32. (In Chinese)

9. Liu Qingcai and Qi Xin (2018). Cooperation of Development Strategies between Northeast China and Russia's Far East under the Framework of the Belt and Road Initiative, *Dongbeiyu luntan*, no. 2, 38, pp. 38–49. (In Chinese)
10. Feng Shaolei (2017), A New Position in the Big History — Russia's Progress and Problems in the Field of Narrative-Discourse Construction, *Eluosi yanjiu*, no. 4, pp. 3–32. (In Chinese)
11. Kaarbo, J. (2015), A Foreign Policy Analysis Perspective on the Domestic Politics Turn in IR Theory, *International Studies Review*, vol. 17, is. 2, pp. 189–216.
12. Treisman, D. (2022), Putin Unbound, *Foreign Affairs*, vol. 101, no. 3, pp. 62–69.
13. Fortescue, S. (2016), Russia's "Turn to the East": A study in policy making, *Post-Soviet Affairs*, vol. 32, no. 5, pp. 423–454.
14. Bo Xu and Reisinger W. (2019), Russia's energy diplomacy with China: Personalism and institution-ism in its policymaking process, *The Pacific Review*, vol. 32, no.1, pp. 1–19.
15. Allan, B. B., Vucetic, S. and Hopf, T. (2018), The Distribution of Identity and the Future of International Order: China's Hegemonic Prospects, *International Organization*, vol. 72, iss. 4, pp. 839–869.
16. Bull, H. (1977), *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*, 4th ed., London: Palgrave Macmillan.
17. Buzan, B. (2014), *An Introduction to the English School of International Relations*. London: Polity.
18. Mearsheimer, J. (2018), *The Great Delusion*, Cambridge: Yale University Press.
19. Waltz, K. N. (1979), *Theory of International Politics*, New York: McGraw-Hill.
20. Martin, L. L. and Simmons, B. A. (2001), *International Institution: An International Organization Reader*, Cambridge: The MIT Press.
21. Burchill, S. and Linlater, A. (2005), *Constructivism*, London: Macmillan.
22. Finnemore, M. (2001), Exporting the English School, *Review of International Studies*, no. 27, pp. 509–513.
23. Kissinger, H. A. (2015), *World Order*, New York: Penguin Books.
24. Acharya, A. (2018), *Constructing Global Order: Agency and Change in World Politics*, Cambridge: Cambridge University Press.
25. Xuetong, Y. (2020), *Leadership and the Rise of Great Powers*, Cambridge: Princeton University Press.
26. Archaya, A. and Buzan, B. (2019), *The Making of Global International Relations: Origins and Evolution of IR at Its Centenary*, Cambridge: Cambridge University Press.
27. Loke, B. (2021), The United States, China and the Politics of Hegemonic Ordering in East Asia, *International Studies Review*, vol. 23, no. 4, pp. 1208–1229.
28. *The White House. National Security strategy. October 2022*. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10, 2022. pdf> (accessed: 10.08.2023).
29. Ikenberry, J. (2016), Between the Eagle and the Dragon: America, China and Middle State Strategies in East Asia, *Political Science Quarterly*, vol. 131, no. 1, pp. 9–43.
30. Loke, B. (2021), The United States, China and the Politics of Hegemonic Ordering in East Asia, *International Studies Review*, vol. 23, no.4, pp. 1208–1229.
31. Karaganov, S. and Makarov, I. (2021), *Turn to nature: new environmental policy of Russia in the context of green transformation and global economics and politics*, Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia Publ. (In Russian)
32. Xinhua Wang, *European Parliament votes for carbon market reform*. Available at: http://m.news.cn/2022-06/23/c_1128768662.htm, 2022-6-23 (accessed: 10.08.2023). (In Chinese)
33. Xu Bo, *Foreign Policy Thought of Xi Jinping and Sino-Russian Cooperation*. Available at: <https://nki-brics.ru/posts/show/62fe39ec6272697e74eb0000>, 2022-10-19 (accessed: 10.08.2023). (In Russian)
34. Xu Bo and Zhong Rui (2022), Analysis of Russia's Pragmatic Climate Policy, *Dongbeiyu luntan*, no. 1, pp. 46–47. (In Chinese)
35. *Action plan for the development of hydrogen energy in the Russian Federation until 2024, Government of the Russian Federation*, October 12, 2020. Available at: <https://minenergo.gov.ru/view-pdf/19194/126275> (accessed: 10.08.2023). (In Russian)

Received: August 15, 2023

Accepted: September 28, 2023

Authors' information:

Xu Bo — Dr. Sci. in Political Sciences, Professor; bxu2@jlu.edu.cn

Svetlana E. Garmaeva — Dr. Sci. in Philology, Senior Lecturer; solnzevetrau@126.com